

УДК 130.2

Д. В. Петренко
кандидат філософських наук,
докторант кафедри теорії культури і філософії науки
Харьківського національного університету імені В. Н. Каразіна

ТРАНСВЕРСАЛЬНА АНТРОПОЛОГІЯ В КОНТЕКСТЕ ФІЛОСОФІЇ ТЕХНІКИ/МЕДІА

Постановка проблеми. Если проанализировать преобладающие тенденции современной философии, то можно обнаружить, что многие актуальные направления философской мысли все чаще ставят под сомнение так называемый антропологический поворот, отказываясь от особого статуса категории человека в философском знании. Например, такие влиятельные направления современной философии, как спекулятивный реализм или объект-ориентированная философия, в большей степени обращены к проблемам познания, снимая ряд антропологических вопросов под лозунгом преодоления корреляционизма. Антропологизм вытесняется из современной философии как устаревший пережиток, воспроизведение которого часто рассматривается исследователями как шаг назад после радикальной структуралистской и постструктуралистской критики антропологии во второй половине XX века. Действительно, во многих актуальных в начале XXI века направлениях мысли – спекулятивном реализме, объект-ориентированной философии, новом материализме – человек исчезает, как и предсказывал М. Фуко в финале «Слов и вещей», «как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [6, с. 404]. Тем не менее, можно обнаружить и другую тенденцию, проявляющуюся, например, в современных медиаисследованиях, – абсолютное игнорирование той радикальной критики, которой подверглось в философии конца XX века традиционное, в определенной степени сохраненное даже в программно антиэссенциалистском экзистенциализме понимание человеческого как автономного. Так, многие линии философских, гуманитарных и социальных исследований техники/медиа воспроизводят дистинкцию человеческого как само собой разумеющуюся данность и опираются на устаревшие антропологические модели, использование которых сегодня также необходимо обосновывать.

Повсеместность данного жеста в современных исследованиях можно объяснить, прежде всего, необходимостью заполнить тот теоретический вакуум, который образовался на месте «смерти человека», и, как зачастую бывает в подобных случаях, для многих исследователей техники/медиа наиболее удобным решением стало возвращение к старым антропологическим моделям, которые маркированы автономностью человеческого, соотносящегося с миром, обществом, культурой. Событие, нарушающее развитие антропологической парадигмы, теоретики часто игнорируют и предпочитают вернуться к традиционным автономистским схемам определения человеческого, фундирующим многие исследования так называемого человека.

Впрочем, оригинальные подходы к решению данной проблемы, конечно же, можно обнаружить и в альтернативных магистральным линиям философии техники и, соответственно, медиа. Так, Ж. Симондон переворачивает традиционное понимание отношений человека и техники, утверждая, что именно человек отчуждает техническое, а не наоборот, таким образом, предлагая довольно-таки оригинальное решение для теоретических стратегий антропологии медиа.

В любом случае ответ на вопрос, как сегодня возможна антропология техники, и более локальный вопрос, как возможна антропология медиа, упирается, прежде всего, в ряд кризисных процессов в самой современной философской антропологии.

Цель исследования – сформулировать новые условия возможности антропологии техники/медиа вне устаревших оппозиций человек/техника и человек/медиа. Но прежде необходимо пересмотреть сам проект философской антропологии и проанализировать причины его кризиса в философской антропологии конца XX века.

Изложение основного материала исследования. Несомненно, антропология в том виде, в котором она была сформирована в XIX веке и манифестировалась М. Шелером, Х. Плеснером, А. Геленом в отдельное направление философской мысли в первой половине и середине XX века, к концу столетия переживала определенный кризис. Но интерпретация данного кризиса через программный антигуманизм структуралистов и постструктуралистов сегодня является недостаточной. Истоки кризиса философии человека находятся вовсе не в открытии особой значимости структуры и условий ее (не)возможности. В действительности, кризис с самого начала сопровождал любые антропологические исследования. Если главный объект критики теоретических антигуманистов, автономно мыслимый человек, – это результат серии артикуляционных процессов, которые в XIX веке переконфигурировали диспозитив и сделали возможным антропологический проект, то условия кризиса антропологического мышления конца XX века следует искать среди процессов, приведших к определению автономности человеческого.

Самая главная процедура, находящаяся у истоков автономистской антропологии, – это понимание человека не через соотношение с бесконечным, а через складку сил конечного. Чтобы человек явился в собственной автономии, необходимо было вступить в схватку с силами конечного и прочертить линию, отделяющую человека от сил нечеловеческого. В «Словах и вещах» М. Фуко блистательно описал это парадоксальное противостояние человеческого к Жизнью, Трудом и Языком, но задачи французского философа в данной работе в действительности в большей степени совпадали с альтюссеровским теоретическим антигуманизмом, что, впрочем, не мешает нам сегодня вернуться в том числе и к данному тексту М. Фуко и рассмотреть его в несколько иной оптике.

«Слова и вещи» следует прочесть не как скандальную констатацию смерти человека, а скорее как исследование определенных стратегий понимания человека. М. Фуко демонстративно противостоял различным антропологическим в его понимании линиям мышления, но также нельзя не отметить, что антропология для французского философа – это всегда автономистская антропология. Его тезис о смерти человека, часто понимаемый как итог философской антропологии, на самом деле открывает для антропологии новые возможности при условии, что антропология отказывается от догмы автономии человеческого и расширяет свой горизонт. Мысль М. Фуко – это констатация кризиса определенных линий антропологии, но условия данного кризиса находятся у истоков антропологического мышления.

Соотношение человека с силами конечного запускает ряд артикуляционных процессов, задача которых – установить автономию человека, но в полной мере данная процедура невозможна, и поэтому человеческое следует понимать через подвижную границу, смещающуюся вдоль конфигураций сил конечного в зависимости от тех

или иных артикуляций. Впрочем, уже один из основателей философской антропологии Х. Плеснер констатировал эксцентричность человека, всегда уклоняющегося от любых определений. Как пишет Х. Плеснер, «человек в своем бытии отличается от всякого иного бытия тем, что он не является ни самым близким себе, ни самым далеким от себя, и именно в этой эксцентричности своей жизненной формы обнаруживает себя как отдельный элемент в стихии бытия, и тем самым, несмотря на несоразмерный бытию характер своего существования, входит в один ряд с вещами этого мира» [4, с. 9]. Мысль немецкого философа изначально была фундирована незыблемой догмой человеческой автономии, не позволяющей посягнуть на такие базовые различия, как человек/животное или природа/культура. Понимание человека как ситуативной конфигурации делает невозможным любое общее и универсальное определение человека, так как такой жест всегда будет сопровождаться процедурами автономизации и эссенциализации, раскраивающими имманентные силы внешнего. Поэтому каждый раз необходимо реконструировать специфику артикуляционных процессов и топологических разграничений, делающих возможным человеческое – подвижный маркер антропологического исследования.

Давнишние оппозиции человек/животное, природа/культура, трансцендентное/имманентное нельзя просто снять или же свести к четверичной идентификационной схеме, как это делает Дескола в своих исследованиях по ту сторону природы и культуры [3, с. 502]. Необходимо показать условия возможности данных оппозиций, а затем исследовать человека, прежде всего, как топологический маркер, у которого внутреннее всегда является продуктом внешнего, которое, по определению М. Фуко, «высвобождает место, где внутреннее имеет обыкновение находить свою складку и возможность своей складки: появляющаяся форма, меньше чем форма, что-то вроде бесформенной и навязчивой анонимности» [7, с. 96].

Согласно Ж. Делезу, «это неформленное внешнее есть битва, оно похоже на зону турбулентности и урагана, где мечутся отдельные точки и завязываются отношения между ними» [2, с. 157], при этом «складка внешнего образует «Я», а само внешнее – равнообъемное ему внутреннее» [2, с. 148]. Само разграничение внутреннее/внешнее и условия его установления всегда определяются ситуативно, в зависимости от конфигураций сил внешнего и специфики артикуляционных процессов. Очевидно, что если подобные исследования и можно назвать антропологическими, то лишь с тем условием, что антропология должна отказаться от эссенциализма и автономности и признать катастрофичность любого проекта человеческого, балансирующего над бездной и в то же время утверждаемого артикуляцией.

Проект новой антропологии может быть назван трансверсальной антропологией, исследующей не только человека, но и условия возможности человеческого. Понятие *трансверсального*, которое ранее использовалось в математических, биологических и лингвистических контекстах, здесь обозначает потенции для новых антропологических исследований реконструировать изменчивость конфигураций человеческого, восстанавливать артикуляционные процессы, формирующие разделения человеческого/нечеловеческого, маркировать пути топологических смещений человеческого, мыслимого как проект, открытый для радикальных трансформаций, порождаемых новыми раскладками сил внешнего.

Трансверсальная антропология принимает утверждение, постулируемое структуралистами и постструктуралистами, о том, что человека как универсального явления не существует, но, в отличие от теоретического антигуманизма, делает из данного тезиса совершенно иные выводы. Если человек – продукт сил внешнего, то это открыва-

ет удивительные возможности для антропологии, теперь обязанной всегда начинать исследование с пересмотра своего объекта, концептуальных и методологических стратегий. Например, если рассмотреть определение человека, соотносимого с фигурой гражданина, в «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года, то, как справедливо отмечает Агамбен, «неясно, обозначают ли оба термина самостоятельные реальности или же, наоборот, образуют единую систему, в которой первый член уже содержится и скрывается во втором» [1, с. 162]. Но если это единая система, то как тогда следует понимать утверждение члена Конвента Ланжюинэ о том, что «дети, безумцы, несовершеннолетние, женщины, осужденные на телесное наказание или на лишение чести, ... не будут гражданами» [8, р. 105]? Ланжюинэ как будто создает границу, отделяющую гражданина от негражданина и, соответственно, человека от нечеловека, т. е. утверждение прав человека изначально соотносится с разделением взрослый/ребенок, разум/безумие, мужчина/женщина, лишённые чести/не лишённые чести и, таким образом, выстраивается вокруг практик исключения, основанных на артикуляции определенного понимания человеческого. Задачей трансверсальной антропологии здесь будет реконструкция топологических маркеров человеческого, которые вводятся несколькими артикуляционными режимами, создающими конфигурацию человека, и отсекают в автономистском порыве все, что в данном случае объявляется нечеловеческим или недостаточно человеческим.

Человек, мыслимый без сущности и вне автономии, – вот ускользающий объект исследований трансверсальной антропологии, обращенной к реконструкции условий возможности человеческого. Граница между человеческим и нечеловеческим теперь становится подвижной и изменчивой, что определяет задачу трансверсальной антропологии – фиксировать смещения и изгибы человеческого. Таким образом, вопрос о технике и, соответственно, вопрос о медиа в перспективе трансверсальной антропологии должен быть поставлен заново. Если человек – это конфигурация сил внешнего, то техническое/медиальное может быть рассмотрено как один из элементов, дополняющих данную конфигурацию или же вызывающих ее непредсказуемую мутацию.

Главным противоречием многих традиционных антропологий техники/медиа был парадоксальный статус технического, которое, с одной стороны, зачастую понималось как продукт человеческих усилий, а с другой – как угроза, стирающая складку человеческого. Подобные противоречия неизбежно, неминуемо сопровождают экспликации антропологических исследований и обусловлены автономистско-эссенциалистскими определениями человека, в рамках которых техника неизбежно несла отчуждение от всегда-уже пред-данной сути человеческого. От философии техники Каппы до исследований Шпенглера и Блоха различие человек/техника было базовым установлением диспозитива, направляющего все дальнейшие теоретические построения, в то время как трансверсальная антропология техники начинается с реконструкции условий возможности данного различия и открывает понимание технического не как враждебного автономному человеческому объекту, а как одного из элементов, включаемых в конфигурацию человеческого. Если человек – результат отграничения сил внешнего, то техническое должно быть помыслено в качестве одного из факторов, определяющих артикуляции человека.

Особый интерес в данном контексте вызывают философские исследования техники Ж. Симондона, впервые опубликованные в начале 1960-х годов и на многие десятилетия несправедливо забытые. Французский философ делает попытку переосмыслить отношение человеческого и технического, перевернув традиционную для антропо-

логии техники оппозицию: не техника отчуждает человека от его сути, а, наоборот, человек становится причиной отчуждения технического. Не впадая в радикализм технотерминизма, Ж. Симондон тщательно разрабатывает философский язык, при помощи которого человек и техника могли бы быть помыслены вне иллюзии человеческой автономности.

В работе «О способе существования технических объектов» Ж. Симондон пишет: «Посредством технического объекта создаётся межчеловеческое отношение, которое есть модель трансиндивидуальности. Под последней можно понимать такое отношение, которое устанавливается между индивидами ни посредством их конституированной индивидуальности, – что отделяло бы одних от других, – ни посредством того, что есть одинакового в каждом субъекте, – например, априорных форм чувственности, – а посредством того заряда до-индивидуальной реальности, того заряда природного, который хранится в индивидуальном бытии и содержит потенции и виртуальность» [5, с. 248]. С позиций трансверсальной антропологии можно сказать, что Ж. Симондон прослеживает линии со-отношения технического с силами внешнего, которые уже затем формируют складки внутреннего, наивно определяемые в традиционной антропологии как автономный человек. Трансиндивидуальная реальность, которая, по определению Ж. Симондона, «располагается за пределами интериндивидуальных отношений» [9, р. 247], – это несколько упрощенное определение внешнего. Как пишет философ М. Крутов, согласно Ж. Симондону, «живое есть не индивидуированное, а индивидуирующее сущее, ... Индивидуация должна пониматься исходя из предшествующего ей до-индивидуального поля – некоего хаотического состояния, возникающего на каждом этапе становления и заключающего в себе пучок возможностей для последующей индивидуации» [5, с. 248]. Конечно, позиция Ж. Симондона несколько радикальна: до-индивидуальное поле, с точки зрения философа, конституируется техническим объектом, что неприемлемо для трансверсально-антропологического исследования, рассматривающего техническое как одну из возможных составляющих конфигурации внешнего.

Выводы. Интуиции Ж. Симондона могут быть взяты за основу при разработке стратегий трансверсально-антропологических исследований техники/медиа. Здесь открывается возможность помыслить преобразование раскладок внешнего, определяющих внутреннее человеческого, которое производится новыми медиатехнологиями. Трансверсальная антропология обращается к исследованию трансформаций и смещений границ человеческого и, таким образом, открывает новую постановку исследовательской проблемы философской антропологии медиа, переосмысливая важное для многих медиаисследователей, от Маклюэна до Флюссера, различие человек/медиа. Появление новых медиатехнологий антропологически теперь может быть исследовано вне модусов отчуждения человеческого или же, наоборот, инструментального технооптимизма. С позиций трансверсальной антропологии новые для той или иной эпохи медиа – это, прежде всего, возможность для удивительного экспериментирования, открывающая новые режимы организации человеческого, мыслимого вне эссенциальности и автономизации.

Литература

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен ; пер. с итал. И. Левина, М. Велижев. – М. : Европа, 2011. – 256 с.
2. Делез Ж. Фуко / Ж. Делез ; пер. с фр. Е. Семиной. – М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – С. 20–159.
3. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / Ф. Дескола ; пер. с фр. О. Смолицкой, Д. Рындина. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 584 с.

4. Плеснер Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию / Х. Плеснер ; пер. с нем. А. Гаджикурбанова. – М. : РОССПЭН, 2004. – 368 с.

5. Симондон Ж. О способе существования технических объектов / Ж. Симондон ; пер. с фр. М. Куртов // Транслит. – 2011. – № 9. – С. 94–105.

6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В. Визгина, Н. Автономовой. – СПб. : A-cad, 1994. – 405 с.

7. Фуко М. Мысль извне / М. Фуко ; пер. с фр. Д. Коротков, И. Коротков // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 3 (8). – С. 89–98.

8. Sewell W.H. Le citoyen / la citoyenne: activity, passivity, and the revolutionary concept of citizenship / W.H. Sewell // The French Revolution and the Creation of modern political culture. – Oxford: Oxford university press, 1988. – Vol. II. – P. 105–125.

9. Simondon G. Du modé d'existence des objets techniques / G. Simondon. – Paris : Aubier, 1989. – 336 p.

Аннотация

Петренко Д. В. Трансверсальная антропология в контексте философии техники/медиа. – Статья.

Статья посвящена рассмотрению философско-антропологических концепций техники/медиа. Реконструкция антропологических стратегий, артикулирующих понимание человека, открывает разработку новых теоретических моделей связи человеческого и технического, которая позволяет преодолеть автономистские антропологии техники/медиа.

Автономистская философская антропология техники/медиа не представляет в полной мере все возможные линии концептуализации отношений человека и техники, человека и медиа. Трансверсальная антропология исходит из необходимости трансформаций диспозитивов, которые распределяют экономии человеческого/животного, естественного/искусственного, природного/культурного, человеческого/технического. Данные исследовательские стратегии требуют пересмотра конфигурации связки человек/техника/медиа, некритически используемой в теоретических исследованиях гуманитарных и социальных наук, которые обращаются к изучению тем «человек и техника», «человек и медиа».

Ключевые слова: трансверсальная антропология, техника, медиа, человеческое, техническое.

Анотація

Петренко Д. В. Трансверсальна антропология в контексті філософії техніки/медиа. – Стаття.

Стаття присвячена розгляду філософсько-антропологічних концепцій техніки/медиа. Реконструкція антропологічних стратегій, які артикулюють розуміння людини, відкриває розробку нових теоретичних моделей зв'язки людського й технічного, що дає змогу подолати автономістські антропології техніки/медиа.

Автономістська філософська антропология техніки/медиа не репрезентує повною мірою всі можливі лінії концептуалізацій відносин людини й техніки, людини та медиа. Трансверсальна антропология виходить із необхідності трансформаций диспозитивів, що розподіляють економію людського/тваринного, природного/штучного, людського/технічного. Означені дослідницькі стратегії вимагають перегляду конфігурацій зв'язки людина/техніка/медиа, що некритично використовується в теоретичних дослідженнях гуманітарних і соціальних наук, які звертаються до вивчення тем «людина й техніка», «людина й медиа».

Ключові слова: трансверсальна антропология, техніка, медиа, людське, технічне.

Summary

Petrenko D. V. Transversal anthropology in the context of the philosophy of technology/media. – Article.

The article deals with the examination of philosophical reflections as to the interrelation of a man and technology/media. The purpose of article is to research the anthropological aspects of various directions in philosophy of technology/media. The presented research will also help to designate the origins of the articulation of “autonomous human/technical/media” in the modern philosophical and scientific conceptions.

The examination of transversal anthropology allows allocating of various strategies for understanding the subject “a man and technology/media”. These strategies of philosophical anthropology of technology do not present integrally all possible directions of conceptualization of the interrelation of a man and technology/media. Yet, the given schemes have drawn the basic configurations of dispositives, which distribute the economy of the natural/artificial, inherent/cultural, human/technical.

Key words: transversal anthropology, technology, media, human, animal, technical.